

РИТУАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ксения ЛАС

18+

Ксения ЛАС

Ритуал

«Автор»

2026

ЛАС К.

Ритуал / К. ЛАС — «Автор», 2026

Для Кронпринца Лореллиума любовь была непозволительной слабостью — пока он не встретил Фрею. В сражении где принц получает смертельный удар, Фрея идет на величайшее преступление - меняет свою жизнь на его. Теперь она заперта в бесконечном цикле чудовищных кошмаров. Чтобы вырвать жену из пасти магической Скрижали, идеальное ледяное оружие Империи нарушит все мыслимые законы. Вьярен соберет тех, кого считает своей семьей, и спустится на самое дно её персонального ада. Он вернет её. Но у любого чуда в этом мире есть своя цена. Древняя магия потребовала плату, соразмерную спасенной душе. Вьярен возвращается победителем, но что он отдал взамен? И способна ли их любовь вынести это новое, страшное испытание?

© ЛАС К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Счастье под маской	7
Мой свет	10
Пятилетие	13

Ксения ЛАС

Ритуал

Пролог

Пролог

Из записей становления империи.

Вначале не было Империи. Был лишь первозданный хаос магии — бурлящий, смертоносный океан силы, в котором жизнь и смерть, созидание и гниение сплетались в единый, неразрывный узел.

В ту ночь, которую летописцы позже назовут Ночью Раскола, Пустошь Хаоса выплюнула из себя нечто невообразимое. Это была не просто стая диких тварей, а сам первобытный хаос, обретший плоть — гигантский сгусток чистой, голодной Тьмы. Горстка обычных людей, поклявшихся защищать свои земли, была загнана в угол. Истекая кровью, они стояли насмерть на самой границе с Пустошью.

Казалось, это конец. В последнем, отчаянном рывке люди, желающие защитить свои семьи, обрушили на тварь всё своё оружие. Когда чудовище пало, аномальная, обжигающе холодная черная кровь хлынула во все стороны, смешиваясь с грязью и попадая в открытые раны самих защитников.

Сырая, необузданная энергия Хаоса ворвалась в их вены. Она должна была убить их, разорвать на части, но вместо этого вступила в симбиоз с тем, что горело в их душах. Дикая сила стала зеркалом для их самых сильных, пиковых эмоций в ту секунду между жизнью и смертью, навсегда изменив их человеческую суть.

Один из воинов, зажмурившись от ужаса, отчаянно пытался предугадать, откуда нападет следующая тварь, напрягая разум до предела, чтобы спасти остальных. И вдруг он услышал шепот. Сотни голосов, мыслей и страхов вспыхнули в его голове. Так родилась Каста Разума.

Другой, стоя на коленях, сжимал разорванную грудь умирающего брата. Его сердце разрывалось от желания заживить раны, остановить смерть. И кровь под его пальцами вдруг начала слушаться, сплетая разорванные сосуды воедино. Так родилась Каста Крови.

Третий стоял впереди всех. В душе билось лишь одно непреклонное желание — стать нерушимой стеной, заслонить свой дом от надвигающегося кошмара. Земля под ногами содрогнулась, поднимаясь неприступным каменным щитом. Так родилась Каста Тверди.

А разум четвертого был затоплен чистой, все сжигающей яростью. Он ненавидел Пустошь так сильно, что хотел превратить её в пепел. Его эмоции вырвались наружу ревушим пламенем, сжигающим врагов дотла. Так родилась Каста Пепла.

В ту ночь они перестали быть просто людьми. Кровь Пустоши подарила им силу, способную укротить сам Хаос. Они возвели защитные щиты и основали великий город Лореллиум. Но цена была высока — магия, рождённая из боли и первобытного страха, навсегда разделила их потомков на касты.

Так родилась Империя, а главным городом стал Лореллиум, в котором магия стала упорядоченной. Она потекла по венам аристократов, подчинилась законам алхимии и была закована в строгие рамки главных каст. Это стала магия будущей цивилизации. Безопасная, предсказуемая, служащая Короне. Но абсолютную силу нельзя разделить без последствий.

Всё то, что осталось за Великим Барьером — отвергнутое, дикое, нестабильное и неподавленное — слилось в Пустошь Хаоса. Это не просто мертвые земли, куда ссылают предателей. Это гниющая рана мироздания. Там магия не подчиняется законам физики. Она мутирует, пожирает сама себя и всё живое, обращая время в ядовитый пепел, а пространство — в

лабиринт из костей и кошмаров. Магия Пустоши — это чистый распад. Она неподвластна ни одному живому существу.

И именно там, в самом сердце этого радиоактивного, первобытного хаоса, где магия стужился до состояния твердой материи, родился артефакт.

Ошибочно полагать, что у вечности есть страницы. Истинное имя этой вещи давно стерлось из имперских летописей. Глупцы, слепо ищущие спасения, называли её Книгой Духов, наивно веря в милосердие скрытой в ней силы. Высшие умы, биоалхимики и некроманты, чьи рассудки сгорели в попытках разгадать её устройство, дали ей другое имя — Скрижаль Духов.

Она не была создана человеческими руками. Её обсидиановый переплет соткан из кристаллизованной боли Пустоши, а страницы — это тончайшие, как слюда, срезы чужого небытия. Скрижаль — это посланник хаоса. Это концентрированный голод мертвых земель, протянувший свои щупальца в упорядоченный мир Лореллиума.

Скрижаль — это хищник, притворившийся книгой.

Веками лучшие умы Империи искали её, полагая, что Скрижаль способна обмануть Смерть. Биоалхимики чертили сложнейшие формулы, пытались подчинить её систему, но не понимали главного закона пустотной магии: Книга ничего не дарит. Она не творит чудес. Она только забирает или совершает обмен. Но цена ее слишком велика.

Абсолютный, безжалостный, математически выверенный эквивалент. Жизнь за жизнь. Душа... за душу.

Это закрытый, прожорливый мир, который питается человеческой сутью. Ей не нужны золото или власть Империи. Скрижаль высасывает из своих пленников сострадание, пережевывает их воспоминания и вытравливает чувства, превращая живых, упорядоченных людей в идеальные, пустые и покорные Архетипы, что живут и подписывают на её страницах.

Она лежит во тьме и ждёт. Скрижаль Духов обладает бесконечным терпением. Она знает: рано или поздно перед её страницами встанет тот, кто окажется достаточно сильным, и сможет взломать её печати, и достаточно отчаявшимся, чтобы шагнуть в её чернильную бездну добровольно. Тот, кому есть что терять. Тот, кто швырнет на её алтарь не просто свою жизнь, а нечто гораздо большее. Свою способность любить.

И тогда хищник наконец-то насытится. И уснет навеки.

Счастье под маской

Солнце заливало светом их просторную спальню, окна которой выходили на дикий хвойный лес и далекие, тонущие в утреннем тумане шпили Раквьёра. Это столица Лореллиума, дивный город в котором магия пропитала даже самые отдаленные уголки города.

Чистота и волшебство города, заставляли восхищенно озиаться по сторонам. Здесь по воздуху величаво передвигались плавающие экипажи, а для быстрого перемещения использовали огромные телепортационные кольца. Здесь же расположился главный замок правящей касты Разума. Великолепный дворец из белого мрамора сверкало в лучах солнца, ослепляя своей красотой.

Каждое её утро в этом доме начиналось с того, что она стояла у окна, впитывая прохладный свет и заряжаясь его энергией. Улыбка озарила и без того счастливое лицо. Каждый её день на протяжении последних пяти лет определенно был счастливым. Она обрела настоящий дом и мужчину, с которым ей хотелось прожить каждую минуту; её круг друзей, этих безумных наемников и ученых, стал намного больше, и она была искренне этому рада.

Все это скрашивало дыру в её сердце — дыру, оставленную войной и той единственной, страшной потерей, которая едва не стоила ей рассудка. Боль от пережитого прошлого всё еще иногда не давала ей нормально дышать, вызывая ночные кошмары.

Поэтому спустя год после свадьбы с этим невыносимо упрямым мужчиной было решено, что она оставит изматывающую должность в военном госпитале и станет... домохозяйкой? Нет, конечно же, нет. Она бы не смогла. Слишком упрямая, слишком много амбиций и энергии. Иногда казалось, что её «слишком много» даже для Вьярена.

Она занялась тем, что любила: древними фолиантами и исследованиями древней пустыни сотканной из хаоса и магии. Если быть точнее, она взяла у мужа (конечно же, под строгую расписку о возврате) солидную сумму и открыла в тихом районе столицы современную лабораторию скрытую от людей. Вьярен, разумеется, был не в восторге от идеи с распиской и долго возмущался, что его жена вообще берет у него деньги в долг, но в итоге, нацепив свой фирменный великодушно надменный вид, составил договор и подписал его. Правда, условия документа были настолько нелепыми и смешными — вроде «возврат средств поцелуями по курсу один к тысяче», — что не предполагали никаких реальных выплат.

Теперь пришла её очередь возмущаться, но он твёрдо стоял на своём, и она сдалась. Этот наглый, властный и до одури любимый мужчина снова выиграл — последнее слово всегда оставалось за ним. Ещё никто и никогда не спорил с ней так открыто, заставляя мозг кипеть от его железной логики. Возможно, это её и подкупило: он был сильнее и, как бы ни хотелось это признавать, гораздо мудрее. Ну, или хитрее.

Ей было двадцать семь, когда разразилась Война с отступниками. Отступники, или «инани» — это обычные люди Лореллиума, в чьих жилах не оказалось магии Первейших. Столетиями они оставались низшим сословием: прислугой, чернорабочими и теми, кто всегда находится в тени правящих каст. Но однажды их покорность сменилась яростью. Ослепленные завистью и отчаянной жадой справедливости, они объединились под фанатичным лозунгом «Магия для всех!» и решили силой взять то, что не дала им природа.

В попытке повторить легенду о Первейших, отступники начали проводить над собой чудовищные эксперименты. Они тайно уходили за защитные барьеры, часами стояли под пропитанными ядами дождями Пустоши и пили черную, токсичную кровь убитых тварей. Но чудо не повторилось. Вместо благородной силы они впускали в себя первобытный хаос. Инани действительно обретали способности, но цена была ужасающей: их тела искажались мутациями, разум погружался в безумие, а магия становилась нестабильной, вырываясь хаотичными и смертоносными всплесками.

Так вспыхнула эта кровавая война. Это не были благородные сражения двух армий в чистом поле — это была жестокая, параноидальная резня на улицах самого Лореллиума. Мутировавшие фанатики устраивали теракты, уничтожая целые кварталы из-за неконтролируемых выбросов своей грязной магии. В ответ на это правящие касты бросили армию. Войска вычищали подземелья и выжигали гнезда культа, не щадя никого. Это стала война на полное истребление угрозы изнутри, война, где каждый прохожий мог оказаться скрытым монстром, а воздух всегда пах гарью и пролитой кровью.

Фрея Свитсон тогда была лучшим военным целителем Касты Крови в Империи, и вместо того, чтобы позволить ей спасти тысячи обычных солдат в полевых госпиталях, военный совет приставил её личным медиком к Главнокомандующему. К ледяному, ужасающему Крон-принцу Вьярену.

Она ненавидела это назначение. Они тут же сцепились, как дикие звери. Фрея искренне считала, что должна вытаскивать с того света раненых, а не таскаться по штабам и опекать «одну великую королевскую задницу». Она говорила ему это прямо в лицо. Вьярен тоже был не в восторге. Стоило ей появиться, как на лице отражалось надменность, а ледяной взгляд обжигал. Высший Менталист столкнулся с маленькой, рыжей фурией, которая постоянно указывала ему, что делать. Но как бы сильно они ни раздражали друг друга, на войне они стали идеальным механизмом: он стирал врагов своей магией, а она раз за разом спасала его раненое тело.

Сама война длилась недолго, но была чудовищно кровавой. Отступники обладали странной магией, которая по непонятной причине мутировала именно в Пустоши — проклятых, вход туда был строго закрыт. Пустоши давали магам необъяснимую силу, но одновременно забирали страшную плату за её чрезмерное использование. Именно этого фанатики не учли. Фрея до сих пор с содроганием вспоминала, как на её глазах после продолжительного боя с одного из Отступников заживо слезла кожа — магия просто сожрала его изнутри. Этот животный крик от бесконечной боли иногда преследовал её в кошмарах. В конечном итоге Отступников добила их же собственная сила. Они надеялись на эффект неожиданности, но встретили монолитное сопротивление всех объединившихся Каст Империи.

Спустя год, когда война закончилась, на торжественном Зимнем балу во дворце, она впервые решила по-настоящему расслабиться. Грандиозный Зимний бал был официальным празднованием окончания войны, устроенным в главном дворце империи в честь Главнокомандующего Вьярена. Весь дворец был великолепно украшен. Бальный зал, высеченный из белого камня, утопал в невероятной роскоши. Под высокими сводами парили кинетические люстры, заливая всё пространство ослепительным золотым светом. Столы ломились от изысканных блюд и пирамид с коллекционным вином, а десятки аристократов кружились в кричаще дорогих нарядах, несмотря на то, что еще недавно война опустошила Лореллиум.

Вьярен стоял на возвышении, окруженный фальшивыми улыбками лстивых особ, в глазах угадывалась ленивая надменность, а взгляд блуждал по богато украшенному залу. Взгляд Фреи против воли остановился на статной фигуре принца, отмечая про себя и его сильные руки. Она была одета в красное платье цвета крови — вызов всей помпезной атмосфере двора.

Едва Фрея шагнула к столу, за бокалом легкого игристого напитка, их взгляды, вопреки её желанию, мгновенно столкнулись, разнося по телу электрические разряды. Волны приятных мурашек прокатились по телу, заставляя Фрею первой разорвать зрительный контакт и перевести взгляд, демонстративно вздернув подбородок. Они больше не испытывали друг к другу прежней ненависти, но и друзьями не были. Фрея старалась не обращать на него никакого внимания, предпочитая танцевать со всеми, кто предлагал, лишь бы не смотреть в его сторону. Однако она не могла не восхищаться его мужеством, его точёными скулами и той уверенностью, с которой он держался, облаченный в парадный бело-фиалетовый мундир главнокомандующего.

Тем вечером, Фрея впервые решила по-настоящему отдаться ощущению победы и, кажется, так сильно напилась, что неожиданно покинула зал вместе со своим бывшим, высокомерным командиром. Вьярен без лишних слов увез её из дворца, уложил спать, а утром дал восстанавливающее зелье и сварил кофе. А потом еще раз. И еще.

Их отношения развивались стремительно, иногда ей казалось что она смотрит проекцию чьей-то жизни. Когда Фрея заявила, что встречается с Кронпринцем, её лучшие подруги просто рассмеялись ей в лицо. Алария и Кристен отказывались в это верить ровно до того момента, пока Вьярен лично не переступил порог их любимого паба. Увидев Высшего Менталиста вживую, девушки едва не забыли, как дышать, застыв в смеси абсолютного ужаса и благоговейного восхищения. Алария, будучи простой инани с тремя детьми и двумя разводами за спиной, на удивление быстро пришла в себя. Она не только легко приняла в их компанию ледяного принца, но и, к ужасу Фреи, умудрялась с ним в шутку заигрывать. Но продлилось это не долго, Алария сновы вышла замуж и переехала в город Уотер, столица Касты Крови.

А вот Кристен, с которой Фрея бок о бок училась в медицинской академии, еще долго фыркала. Она упорно продолжала считать Вьярена «надменной королевской задницей», хотя со временем между ними всё же установился прочный, сдержанно-вежливый нейтралитет.

За несколько месяцев до их свадьбы, произошло событие которое перевернул всю жизнь Фреи. В тот день она по-настоящему сломалась не от вида содранной кожи и гор трупов. Она сломалась в тот день, когда её гениальная магия оказалась бессильна, и она поняла, что не может спасти Вьярена. Магия Пустоши Хаоса, забрала у нее слишком много, и Вьярена она отдать не могла. Невыносимый принц умирал, а она ничего не могла сделать. Отчаяние толкнуло её на страшную сделку. Единственный свидетель её падения обещал унести эту тайну в могилу. Могильный холод сделки, заключенной ради его жизни, снова и снова возвращался к ней. Озябшими пальцами Фрея обнимала себя, глядя в окно, за которым занимался рассвет. Но даже солнечный свет не мог рассеять эти кошмары. Она понимала: настанет момент, когда придется всё объяснить мужу. Скрывать от него что-то, долго не мог никто... никто кроме неё. Но даже у неё были пределы. Временами ей казалось что, он может читать все по её лицу или взгляду.

Единение душ всегда казалось этой независимой женщине чем-то абстрактным. И всё же... Глядя на спящего Вьярена, она ловила себя на пугающей мысли: если в этом мире и существовал человек, с которым она могла бы разделить саму суть своего существования — то это был только он.

Тревожные мысли, лезли внутрь, вызывая холодные покалывания на коже и отравляли утро. Сегодня она собиралась прожить еще один день: улыбаться, варить кофе в лавке, слушать его ворчание. Так почему же её охватил этот животный страх? Чувство неизбежности липким потом накатывало на тело, словно смерть снова стояла за спиной. Мрачная мысль, зародилась в сознание - ее время пришло.

— Свитстоун? — хриплый ото сна голос вырвал её из раздумий, она поняла, что нужно торопиться.

Она обернулась, тряхнула огненно-рыжими волосами, прогоняя видения, и тепло улыбнулась. Подойдя к огромной кровати, она забралась под одеяло и положила голову ему на плечо, хитро прищутив карие глаза.

— Уже не Квинлэнд? — ее девичья фамилия использовалась только когда он считывал её тревогу, но не смогла удержаться от иронии. — Так быстро надоела? Всего лишь пять лет прошло...

Мой свет

Она всегда была единственным источником тепла в его вечной мерзлоте. Вьярен притянул Фрею к себе, зарываясь лицом в её огненно-рыжие волосы, и вновь ощутил тот трепет, который впервые испытал несколько лет назад в палате Имперского госпиталя.

Его детство трудно было назвать счастливым, несмотря на статус Кронпринца Лореллиума. Точнее, именно из-за него. Отец, король Валериан, насколько помнил Вьярен был замечательным отцом, добрым, улыбчивым и внимательным. А когда сыну исполнилось шесть все это осталось лишь воспоминанием, он решил воспитать достойного наследника и стал эмоционально холоден, как гранитные скалы Раквьяра. «Проявление чувств — женская черта, Вьярен. Слезы и сомнения оставь прислуге. Мужчина должен быть безжалостным, идти только вперед и не позволять эмоциям управлять разумом».

Это правило маленький принц усвоил очень быстро, выучившись намертво замораживать собственное сердце.

Единственным человеком, к которому он поначалу тянулся, была мать. Но длилось это ровно до тех пор, пока Вьярен не повзрослел и не начал видеть истинное лицо королевского двора. Королева Хельга купалась в океане лжи, лицемерия и интриг, чувствуя себя там как рыба в воде. Ему не нравилось то что он видел. Весь королевский двор прогнил, в нем не осталось чести и достоинства. Все места и титулы покупались и продавались. В королевстве не осталось ничего, чтобы помогало ему расти. Иногда Вьярену казалось, что он видит лишь декорации, а на самом деле он живет в гниющем королевстве. Он хотел это изменить, и учился, много учился.

Менталистику и искусство защиты разума Вьярену преподавал лорд Мортимер — глава Теневого Надзора и Имперского шпионажа. Его тренировки были настоящими пытками: Мортимер безжалостно ломал сознание мальчика, заставляя выстраивать щиты через невыносимую фантомную боль. Но Вьярен оказался слишком одаренным учеником. Спустя несколько лет изнурительных тренировок наступил день, когда пятнадцатилетний принц не просто отразил ментальный удар наставника, но и нанес ответный. Вьярен навел в его голове такой первобытный, парализующий хаос, что матерый глава шпионов, рыдая как ребенок, едва не шагнул вниз с парапета самой высокой башни дворца. Вьярен остановил его лишь в последний момент.

За это король Валериан, собственноручно наказал его плетью. Страдания принц вынес достойно, потому что внутри него жидким золотом растеклась чувство победы и уверенности в своих силах. Получив семь ударов, стиснув зубы, юноша чье сердце уже не помнило любви, впервые в своей комнате испытал чувство ненависти. Ненависти к человеку, который должен был стать его главной опорой и поддержкой. Тогда в первые по его щеке скатилась единственная и последняя слеза, в знак утраты близкого человека. Вьярен поклялся что больше никогда не позволит себе никаких эмоций, только холодный расчёт и продуманные планы.

С тех пор ни одно живое существо не смело проникать в его разум. Его щиты — абсолютный блок — стали непробиваемыми. Поняв правила игры, Вьярен научился носить непроницаемую маску аристократа, но вместе с тем он осознал, что в этом огромном парящем дворце он абсолютно, тотально одинок. Вопреки всему, одиночество его не тяготило. Он стал расчетливым, холодным, высокомерным крон принцем — все то, что хотел видеть в нем его отец. Так в восемнадцать лет он получил знак главнокомандующего армией короля, принимая оживленное участие в любых битвах и стычках на границе с пустошью. Это помогало найти выход спрятанным в дальний угол эмоциям.

Немногочисленные радостные дни наступали лишь тогда, когда во дворце появлялась его старшая сестра, Найра. Она всегда знала, что не унаследует ни титул, ни трон. Светские балы, ядовитые шепотки и лицемерные гости её до зубовного скрежета утомляли. Поэтому Найра

очень рано упорхнула из дома. Чтобы доказать себе и всем в округе, что она способна на многое и без титула принцессы. Король тогда пришел в ярость: он громко топал ногами, бил вазы и с пеной у рта кричал, что она ему больше не дочь. Но Найру это, разумеется, не остановило.

Пока в высочество Кронпринца безжалостно вколачивали основы геополитики и часами гоняли на тренировках, после которых он не мог даже пошевелить пальцем, его сестра налаживала связи. Она искала поставщиков на черном рынке, заводила знакомства в Дымных Кварталах и вскоре открыла свой собственный элитный салон артефактов. Всё это Вьярен знал и при малейшей возможности помогал. Эта тайна невероятно сблизила его с сестрой. Иногда он даже тайно помогал ей с проверкой аукционистов своей магией — лишь бы найти повод вырваться, побыть подальше от удушающих стен замка.

Именно дворец сделал из него бесчувственного, расчетливого монстра. И этого монстра он забрал с собой на Кровавую Войну с Отступниками.

Там он и встретил её. Маленькую, рыжую бестию из Касты Крови, которую военный совет умудрился приставить к нему в качестве личного целителя. О, как же Фрея его раздражала! Она не кланялась, не лебезила, постоянно спорила и смотрела на него так, словно он был не будущим Императором, а досадной занозой. Ей совсем не нравилось нянчиться с принцем. Она считала и говорила об этом не скрывая, что его планы слишком рискованны и постоянно их критиковала. Они искрили при каждой встрече, сталкиваясь лбами и характерами. Но именно эта живая, первобытная ярость впервые пробила брешь в его ледяной броне. Со временем он начал прислушиваться к советам своей “няньки” и даже один раз ей уступил. В конце концов, хоть ему это далось с большим усилием он признал, что из них получилась отличная команда.

Война закончилась победой Империи, но мир не наступил в одночасье. По всему Лореллиуму еще шли облавы на выживших радикалов. К каждой штурмовой группе в обязательном порядке был прикреплен полевой целитель. Фрея настояла на своем участии, и её группа попала в засаду. Отряд почти полностью пал, и целительницу тоже зацепило — тяжело, страшно, на грани жизни и смерти.

Когда Вьярену доложили об этом, он почувствовал, как гранитная земля уходит из-под ног. Он явился в Имперский госпиталь, стянув к её койке лучших целителей столицы, и укутал её сломанный разум своей магией, не давая душе соскользнуть во тьму. Тогда ему просто казалось, что он просто, благодарен рыжей целительнице, за то что столько раз спасала его на поле боя. Он оправдывал свой поступок тем что отдает ей долг. Но сердце уже тогда предательски сжималось, от мысли что она не очнется. Чтобы развеять навязчивые мысли, которые поселились в его голове. Он решил не сидеть сложа руки, пока она балансировала на грани, к тому же это было не в его правилах. Он чувствовал что, засада не была случайностью. Вьярен задействовал все свои рычаги. Хмурый контрабандист Митлай, знавший каждую подворотню столицы, принес имя предателя уже через два дня. Рональд. Коррумпированный офицер тяжелой пехоты Касты Тверди, который продал Отступникам маршрут медицинского конвоя.

Вьярен нашел его в грязном притоне Дымных Кварталов. Рональд, увидев на пороге Кронпринца в сопровождении мрачного Митлая и безумно ухмыляющегося подрывника Никкеля, побледнел. Он ожидал ментального удара. Ожидал, что Высший Маг просто сожжет его разум на расстоянии.

Но Вьярену было плевать на магию. Ему нужна была кровь. Едва дверь захлопнулась, Кронпринц Лореллиума шагнул вперед и ударил первым. Без грамма магии. Обычным, сокрушительным ударом кулака он сломал предателю челюсть. Рональд рухнул на пол, захлебываясь кровью, но Вьярен только начал. Острая боль пронзила костяшки пальцев, когда он методично, с ледяным бешенством вбивал лицо офицера в грязные доски. Он крошил ему скулы и ломал ребра голыми руками, ощущая дикий прилив первобытной ярости. Он бил его за каждую рану на теле Фреи, за каждый её стон в реанимации.

Никкель и Митлай молча стояли у дверей, не вмешиваясь. Они впервые видели своего Главнокомандующего в таком состоянии, но мешать не собирались, понимали за что его наказывают. Они остановили его только тогда, когда лицо Рональда превратилось в кровавое месиво. Вьярен тяжело дышал, глядя на свои сбитые в кровь руки. Физическая боль немного отрезвила его, вернув холодный рассудок Высшего Менталиста. Рональд хрипел, пуская кровавые пузыри, надеясь, что принц наконец убьет его. Но Вьярен не собирался дарить ему такую легкую смерть. Он брезгливо схватил предателя за волосы, заглянул в его заплывшие от ужаса глаза и ударил сильным заклятием. Кронпринц вошел в его разум резко и безжалостно, лишь для того, чтобы методично, хирургически точно разорвать нейронные связи в его мозге. Стер его воспоминания, стер его имя. Стер самую концепцию его личности, оставив лишь первобытный, липкий страх. Когда Вьярен вышел из притона, вытирая окровавленные руки белоснежным платком, на полу осталась лежать лишь пустая, пускающая слюни оболочка.

Уничтожив того, кто посмел причинить ей вред, Вьярен вернулся в госпиталь, смыл с себя грязь Дымных Кварталов и снова сел у её постели, ожидая, когда она откроет глаза.

Через месяц после её выписки во дворце состоялся грандиозный Зимний бал — официальное празднование окончания войны, устроенное в его честь. Вьярен стоял на возвышении, окруженный фальшивыми улыбками лстивых аристократов, скушающий и пустой. Он не считал себя одиноким, просто в раннем возрасте решил что ему никто не нужен. Больше всего его тревожило, то что он никак не мог выкинуть из головы, мысли об одном человеке. Стоило ему хоть немного ослабить концентрацию, как тут же в голове всплывал образ маленькой катастрофы. Женщины которая, в действительности должна была исцелять его раны и тело а на деле устроила катастрофу в его душе. Пока его мысли были заняты воспоминаниями о том как она спасала его на поле боя и о том как он целыми днями сидел у больничной койки, в зал вошла она.

Фрея еще не до конца оправилась, её кожа была бледнее обычного, но спина оставалась прямой, а в зелёных глазах горел всё тот же неукротимый огонь. Она была одета в красное платье на тонких бретельках, струящаяся вниз по телу и подчеркивало каждую идеальную линию, добавляя рыжим волосам еще больше краски окрашивая их цветом пламени.

В ту секунду Вьярен перестал слышать музыку. Весь зал, все эти важные лорды и леди просто перестали существовать. Взгляд намертво зацепился за длинный разрез платья и выглядывающую из под него лодыжку с тонким золотом ремешком. Женственные изгибы под шелковой тканью заставляли его воображение работать на запредельной мощности. Именно тогда, среди золота и лицемерия своего родного дома, ледяной Кронпринц Лореллиума осознал пугающую истину: он пропал. Окончательно и бесповоротно. И он забрал её с этого бала, решив про себя, что скорее откажется от короны и убьет любого кто встанет у него на пути, чем позволит вновь причинить ей вред.

А сейчас она лежала в его постели, залитой утренним солнцем горного дома, и, хитро прищутив свои ореховые глаза, в которых сейчас плясали золотистые и зеленые искры, спрашивала:

— Уже не Свитсон? Так быстро надоела? Всего лишь пять лет прошло...

Уголок его губ дрогнул.

— Никогда больше не Свитсон, маленькая катастрофа, — низко, вибрирующим шепотом ответил Вьярен, плавно нависая над ней и опираясь на локти. Лед в его глазах расплавился, уступая место темному, голодному пламени. — И нет, ты мне не надоела. На самом деле, мне начинает казаться, что пяти лет катастрофически мало.

Пятилетие

Этот день должен был стать самым прекрасным в их жизни. Пять лет со дня свадьбы.

Вьярен до сих пор помнил, как новость о его женитьбе ударила по дворцовым сводам. Мягко скажем, король Валериан и королева Хельга были наслышаны об этой девице — героине войны, гениальной целительнице. Но у Фреи не было главного: достойной родословной. Для Касты Разума она оставалась простолюдинкой из другой Касты, и это невыносимо омрачало жизнь правящей чете. Редко и нежелательно было смешение магий в Лореллиуме. Дети рождённые в таких браках или редко рождались, или никогда не выживали.

Возражать, конечно, пробовали оба родителя. Хельга действовала мягче, плетя словесные кружева, отец — жестче, давя авторитетом. Вьярен до последнего надеялся, что король впадет в ярость и откажется от него, лишит титула, так же как когда-то поступил с Найрой. Это развязало бы ему руки. Но Валериан, будучи прагматичным правителем, понимал, что Кронпринц — его единственный наследник и самое мощное оружие Империи.

Скрипя зубами, король решил уступить сыну, но не забыл подсластить свое снисхождение горькими, ядовитыми словами. Вьярен навсегда запомнил тот день в тронном зале. Валериан похлопал его по плечу и небрежно бросил: «Знай, сынок, я всегда на твоей стороне. Выбирай эту игрушку, если так хочешь. А когда она тебе надоест — мы всё сделаем тихо, без скандалов для короны».

Вьярен тогда пришел в такую первобытную ярость, что едва не разгромил главный замок столицы. От всплеска его магии по мраморным колоннам пошли трещины, а стекла в окнах разлетелись в пыль. В тот же день, не дав отцу опомниться, он созвал Высший Совет из старейшин всех Каст. Прямо там, перед лицом всей аристократии, Вьярен снял с себя обязанности Кронпринца и наследника престола. Поднялся невообразимый шум, однако старейшины, в панике от возможного раскола, умоляли его оставить за собой хотя бы временные обязанности Главнокомандующего армией. Ради стабильности в послевоенном Лореллиуме он согласился.

Удивительнее всего повела себя мать. Хельга восприняла его отречение абсолютно спокойно. Она публично заявила, что позволит сыну самостоятельно решать свою судьбу. Впервые за долгое время Вьярен почувствовал к Её Величеству искреннюю благодарность. Но где-то глубоко в душе, там, куда не доставал свет, интуиция подсказывала ему: битва еще не закончена. Хельга просто сменила тактику.

Выяснить правду наверняка Вьярен не мог. По нерушимым законам государства, правящая волшебная Каста не имела права использовать чтение мыслей без прямого согласия человека. Исключение составляли лишь государственные преступники на допросах. Использовать магию на собственных родителях означало бы государственную измену.

И вот теперь, спустя пять лет, наступил день их годовщины. Вьярен распланировал всё до мелочей. Он заказал наряды у королевской модистки с цветочным именем Камелия. В отличие от большинства снобов Верхнего Города, Камелия просто обожала Фрею, помня, как та спасла брата девушки на фронте. Она с восторгом взялась за заказ. Для Вьярена был сшит потрясающий камзол цвета темного гранита, подчеркивающий ширину плеч, с пуговицами из черного обсидиана. А для Фреи — платье из тяжелого изумрудного атласа, которое струилось по её изгибам как вода.

Вьярен планировал идеальный вечер, который должен был завершиться наедине, в ресторане на одной из парящих террас столицы. Но вмешалась Хельга. Несмотря на то, что Вьярен официально снял с себя титул принца, мать настояла на приеме в их честь во дворце.

Фрея терпеть не могла помпезность, фальшивые улыбки и удушливый этикет Касты Разума. Но, видя, как Хельга старается загладить углы, она ради мужа согласилась уделить королевской семье несколько часов. Обещался тихий, семейный ужин.

Но когда двери Главного Зала распахнулись перед ними, Вьярен понял, что его снова обвели вокруг пальца.

Вместо семейного приема их встретила оглушительно помпезная вечеринка. Зал, высеченный из белого камня, утопал в роскоши. Под высокими сводами парили кинетические люстры, заливая пространство золотым светом. Столы ломились от изысканных блюд и пирамид с коллекционным вином. Вокруг кружились десятки аристократов в роскошных, кричаще дорогих нарядах: перья, шелк, россыпи драгоценных камней.

Хельга в своем величественном серебряном платье тут же подошла к ним. Королева, как всегда, была элегантна и никто не смел с ней соперничать. Она делала всё, чтобы Фрее было комфортно: отгоняла самых назойливых сплетниц, лично подала ей бокал легкого вина и мягко улыбалась. За это Вьярен, сцепив зубы, был ей признателен. Отец, король Валериан, тоже присутствовал. Его обращения к Фрее были безупречно вежливыми, протокольными, но весь его вид был настолько холодным и надменным, что человек запросто мог превратиться в ледяную статую.

Вьярен был напряжен, как натянутая струна. Он неотступно следовал за женой, положив ладонь на её талию. Больше всего на свете он старался не встречаться взглядом с отцом. После той выходки в зале Совета их отношения, и без того натянутые, превратились в тонкий лед. Одно неверное слово — и они оба сорвутся в бездну открытого конфликта прямо на глазах у всей Империи.

Фрея держалась идеально. В своем изумрудном платье она выглядела настоящей королевой — гораздо больше, чем половина присутствующих здесь женщин с длинными родословными. Ее красота была не застывшей маской, а теплым, живым светом, который проявлялся в каждом добром взгляде и мягком жесте. Аристократы учтиво кивали, проявляли искренность там, где это было уместно, и обменивались вежливыми фразами с гостями.

Фрея держалась идеально. Несмотря на то, что за её спиной не было знатного рода, в своем платье она сияла, затмевая половину присутствующих женщин. Ткань струилась по её женственным изгибам, а огненно-рыжие волосы были собраны в высокую прическу, открывая шею. В этот вечер она была, бесспорно, одной из самых красивых дам при дворе.

Мелкие лорды и наследники влиятельных семей, желая проявить любезность (а заодно и выслужиться перед бывшим Кронпринцем), то и дело приглашали её на танцы. По законам этикета Вьярен мог бы легко отказать им всем, прикрывшись статусом мужа, но Фрея настояла на поддержании дружелюбной атмосферы. Она упрямо заявила, что не собирается прятаться за его спиной. Но, к нескрываемому удовольствию и легкому удивлению принца, ни один танец ни одному из кавалеров так и не удалось завершить до конца.

Одному напыщенному аристократу из Касты Пепла, который позволил себе сальную шутку, Фрея просто и со вкусом наступила тонкой шпилькой на ногу, с хрустом отдавив палец. Другого, молодого лорда из Касты Тверди, она с улыбкой взяла под руку и, очевидно, что-то с ним сделала. Потому что через минуту крепкий мужчина внезапно покачнулся, потерял координацию, с размаху пролил на себя целый бокал красного вина, густо покраснев, пробормотал извинения за неуклюжесть, и поспешно удалился из зала.

Третий кавалер — молодой аристократ с аккуратной бородкой — оказался её бывшим сокурсником по медицинской академии. К нему она была более благосклонна и даже смеялась над его шутками. Но в процессе вальса этот идиот, видимо, сказал нечто лишнее или прижал её к себе чуть крепче положенного. Фрея даже не изменилась в лице, но у парня внезапно хлынула кровь из носа. Ему тоже пришлось поспешно откланяться, зажимая лицо белоснежным платком. Магия Касты Крови была абсолютно не ощутимой при применении. Никто в зале не ощущал всплеска энергии. Только те, кто непосредственно рос с этой магией долгие годы и сам учился её применять, вероятно, могли бы распознать воздействие. Однако Фрея была слишком

искусна. Она могла локально повысить артериальное давление или нарушить вестибулярный аппарат партнера одним легким касанием.

Слегка покрасневшаяся, с залегающей морщинкой меж бровей — верным признаком её недовольства, — она вернулась к Вьярену. Он тут же собственнически притянул её к себе за талию.

— Шалишь, моя маленькая катастрофа? — низко, с нотками веселой, темной иронии спросил он, касаясь губами её виска. Разумеется, все её выходки не остались без внимания Высшего Менталиста. Фрея прижалась лбом к его груди, вдыхая его запах, и, почувствовав под щекой успокаивающий, ровный ритм его сердца, пробормотала:

— Этот мелкий нахал с бородкой предлагал мне подняться с ним наверх, в королевскую оранжерею, и пригубить его... эм... коллекционное вино.

Вьярен замер. Фрея почувствовала, как мгновенно, словно стальной трос, напряглись все мышцы его тела под обтягивающим камзолом.

Кажется, молодой аристократ с бородкой сегодня доживает свои последние дни, — мельком подумала она.

— Вьяр, ну пожалуйста, пусть он поживет еще немного, — мягко попросила она, проводя пальцами по лацкану его камзола. — К тому же, я немного нарушила коагуляцию... кровь из носа он не сможет остановить еще как минимум час. Это достаточное унижение для лорда.

— Только если ты так просишь, — холодно процедил он, но его руки обняли её еще крепче.

Услышав скрытую угрозу в его голосе, она вскинула голову, встречаясь с его взглядом. И Фрея затаила дыхание. Голубые, как горный лед, глаза Вьярена постепенно, неотвратимо заполняла черная радужка — верный признак того, что его магия и его желание вышли из-под контроля.

— Однако у меня есть условие, жена, — хрипло добавил он, глядя на её приоткрытые губы.

— Какое? — шепотом спросила она.

— Мы сейчас же спускаемся и бежим отсюда. Потому что на сегодня мои сюрпризы для тебя еще не закончены.